

Антонин ГОРЧЕВ

Известный поэт, автор гимна города Шумен и сборников стихов на болгарском языке «Пастух снов», «Счастьемолка», «Галера», «Шип розы» и других. Член Союза болгарских писателей, председатель объединения писателей города Шумен. Многократный лауреат национальных поэтических премий, главный редактор альманаха «Златоструй», переводчик с русского. Последняя его книга «Бестиарий», в соответствии с законами одноименного жанра, родившегося ещё в античности, посвящена животному миру, окружающему поэта.

Летучая мышь
Своя особая вселенная,
Не постижимая для глаз,
Божественная и презренная —
Я рядом с вами, но — вне вас.

Укол внезапный в сердце сонное,
Потухший в нашем сердце крик,
Крыло, с коготём соединённое,
Вас изменяющее в миг.

Ваш страх в пещерах слепо мечется,
И вам со мной не по пути,
Но я явлюсь сегодня вечером,
Чтоб ваши души унести.

Пчела
По велению Божьему свыше
Дар цветов она людям несёт,

Чистотой и прозрачностью дышит
Её сладкий и солнечный мёд.

Словно в храм, она в улей влетает,
Воск кладёт на алтарь золотой —
Словно душу свою очищает
Или грех искупает... Какой?

В этой жизни известно, немало
К мёду зависти с жадностью льнёт,
И, вонзая в ответ своё жало,
Справедливость пчела воздаёт.

А потом умирает.

Рыбка
Я крючок вонжу в наживку смачно
И надеждой тайной засвечусь.

В ожиданье госпожи Удачи
С удочкой застывшей затаюсь.

Прячась в глубину скорее, рыбка,
Обо мне забудь в своём пруду:
Лишь коснётся губ твоих улыбка, —
Разом твоё сердце украду.

Бей хвостом послушное течение,
Удалайся призрачной мечтой,
И моё ребячье удивление
Разорви холодной красотой.

Позабыв про радости и шутки,
Наяву я буду, как во сне,
Собирать на берегу чешуйки —
Те, что ты оставила не мне.

Перевёл с болгарского Владимир Фёдоров

Барбара ГРУШКА-ЗИХ

Известный польский поэт и журналист, автор пятнадцати поэтических сборников и нескольких книг публицистики, лауреат многих литературных конкурсов. Стихи Барбары переведены на английский, итальянский, немецкий, арабский и другие языки. В России и Литве изданы её переводные поэтические книги.

Отцу
Не хватает слов
тебе и нам.
Больно — не больно,
как маятник,
отбивают чужие
часы без минут.
Только тело —
прибитое,
раздавленное, перемолотое.
Через кожу
ничего не видно,
лишь синяки под глазами
от ударов молота
с той, неизвестной
для нас стороны.

Тишина описывает себя
без слов

и всё чаще хочет,
чтобы её слушали.
Она выгоняет из дома
звуки насекомых,
стук ложки,
стук сердца.
Только короеду
позволено стучать
с того света
и даже выпускать его
через замочную скважину,
ключ от которой идеально
подходит к тишине.

Прага
Почему ездят автобусы,
когда мы занимаемся любовью,
примеряя наши тела
друг к другу: подходят ли?
Оказывается, подходят,

не хватает только крыльев,
которые, прикинув
друг к другу каждым пёрышком,
подняли бы нас над Виноградями.
Больница, кладбище, крематорий —
только крылья могут
спасти нас от огня.
Потому я просовываю
свои руки под твои,
и ты поднимаешь меня
над аэродромом простыни.
Потом в ванной любовь
стекает в тюремное
решётчатое окошко слива.
Не во мне ты кружишься,
а в тёмных трубах —
в такт пульса проезжающих
над головой автобусов.

Перевела с польского Александра Братчук

Людмила ЕФРЕМОВА

Родилась в столице Таджикистана, городе Душанбе. Детство провела на побережье Баренцева моря. Юность и молодость пришлось на Нижний Новгород. Затем были годы работы на Крайнем Севере, возвращение на Нижегородчину. В настоящее время живёт в Израиле. Автор публикаций в разных литературных изданиях, а также двух книг, в которых перемежаются стихи и проза.

Не устать бы, успеть дописать
Эту песню, что жизнью зовётся.
Вот уже начинает светать,
Час-другой — и туман разойдётся.

Разойдутся в морях корабли,
Разойдутся их встречные судьбы
Где-то там, далеко от земли,
Где незримы высокие судьи.

Снова вздыбится роза ветров —
Сколько веры мне время отмерит?
Отыскать бы ещё один кров,
Да, увы, не осталось Америк.

Никому ни за что здесь не будет
дождя,
здесь полгода великая сушь.
Я скучаю по дому, а он без вождя
погружается в сонную глушь.

В палисаднике сливы,
как бомбы, висят
под крылом
беспобудной листвы.

Мне уже не пятнадцать
и не пятьдесят
разговаривать с жизнью на вы.

Никаких тебе «но»,
объяснений с судьбой,
сожалений и чувства вины.
Я довольна собой,
и в ещё один бой
отправляюсь, не пряча спины.

Подожди меня, дом.
Я вернусь со щитом.
А случится лежать на щите,
так спасибо на том,
что под мелким дождём
домовиной прижмётся к щеке.

Я сошью зелёное платье
С жемчугами и янтарём.
Я примерю твои объятия —
Хорошо ли нам быть вдвоём.

А потом в золотистый сумрак
Я уйду на исходе дня,
И никто из тех, кто не умер,
Не увидит больше меня.

Но зато меж землёй и небом
Я найду дорогих друзей,
Мы в запас приготвим хлеба,
Мы венки сошьём из левей.

Нам не страшно и век потратить,
Чтобы встретиться светлым днём...
Подожди. Я готовлю платё
С жемчугами и янтарём.

Начинается лета стихия,
Жизнь проходит, была —
не была,
И спускаются в сердце такие
Неподвластные власти дела:

Спнь сияет, пионы сверкают,
Ветви сливы свивают шатёр.
Просыпается благодать такая
Ни на жизнь, ни на смерть,
ни на спор.

Разлипаются сонные веки,
Но ложится на плечи печаль —
Жизнь кончается
в нынешнем веке,
Отчего ж мне прошедшего жаль?

Мирьяна БУЛАТОВИЧ

Живёт в Белграде. Автор более двадцати книг поэзии и прозы; перевела с русского языка на сербский три поэтических сборника. Участвовала в крупнейших поэтических фестивалях в России, Швейцарии, Австрии, Канаде. В предисловии к антологии «Когда мы будем травой» подчёркнуто: «После Десанки Максимович в современной сербской поэзии среди женщин первенствует Мирьяна Булатович. Её по-мужски открытая поэзия обладает воистину ангельской красотой».

Надежда над всеми надеждами

Всё, что слетело и что снизошло,
всё, что доняло Небо дарило, —
меня старательно обошло,
словно кому-то нужно было!

К чьему-то сердцу счастье
рассветное
снова мимо меня шагает;
большое, среднее, еле заметное —
меня увидев, стремглав убегает

к кому-то, куда-то: один ответ,
только бы мне не досталась
награда...
Не мчись так счастье.
Счастливым — привет!
А я проживу не так, как надо.

Перевела с сербского Майя Рыжова

Диалог с инопланетянином
— Я принадлежу
к большому народу,
который живёт

в непризнанной части Европы,
умножая её непризнание.

Мой огромный народ
мировые спецды по цифрам
убеждают в том,
что он маленький,
убеждают
словами, угрозами, бомбами.

Но мой неисчислимый народ,
даже рассечённый пополам,
не верит, что он маленький.
И я тоже не верю.

А вы, инопланетянин?

Вы верите, что человек,
принадлежащий
к маленькому народу,

может встретить вас
в бесконечности?

— Я пытаюсь понять ваши души, —
отвечает Инопланетянин
с сильным русским акцентом.
Ибо вся земля
говорит по-английски,
а всё небо — по-русски.

Перевёл с сербского
Андрей Базилевский

Сергий ГРАБАР

Известный украинский поэт, новеллист и переводчик, автор более десяти книг стихов и прозы, секретарь по международным вопросам Национального союза писателей Украины, лауреат нескольких национальных и международных премий, в том числе имени Юрия Долгорукого. Его книги изданы на русском, немецком, хорватском, фарси и других языках.

Армянский храм
Вечер. Сумрак армянского храма.
Во дворе — одинокий фонарь.
Шелест... Тишь...
Старочинный грабар
Открывает паломникам брану.

Тишина...
Дивный шлейф фимиама.
С аналоя старик пономарь
В каждом слове, наполненном чар,
Призывает к святому Араму.

То венчанье даровано тайной.
Мы не знали, что, делая шаг,
Путь наш ляжет по звёздам
в мечтах,
Серебристой дорогой вуальной.

Лёгкий звон...
Восхищённое диво...
Шёпот свечки... Желанно...
Красиво...

Прибой
Прибой стонал...
Встревоженный песок
Оставил мерный шёпот
среди ночи.
Любимая, скажи, чего ты хочешь:
Подарок неба,
стихотворных строк?

А если вдруг,
закутавшись в прибой,
Нам закружиться
в безрассудном вальсе?
Твоих тревог чарующие пальцы
Мне дарят вечной нежности
сувой.

Несут тепло, дрожь сердца,
лёгкий вздох,
Мечты усладу — радуги чертоги.
Стелились на воде небес дороги,
И память прилегла звездой у ног.

В хрустальный сон влетелась
шелест волн.
Ночь, небо, море, отзвуки прибой.
В созвучье душ лишь только
мы с тобою...
Испуг, мгновенье и желанья стон.

Храм
Оксане Козут
Я смотрел на неё и видел Храм.
Великий, могучий...
Храм человечества...
А она была его частицей,
мгновением,
к которому хочется прикоснуться
и наполниться,
войти и раствориться.

Это было творение Всевышнего,
то, чём Он мог гордиться.
Это была женщина, ради которой
шли на войны,
боролись, побеждали и умирали.
Она была светом, озарением,
дыханием.
Она была воздухом — тонким,
шелестящим, пружинистым.
Она была частицей Храма,
и Храм был в ней...

Как тогда,
две тысячи лет назад:
это необыкновенное,
глубинное,
материнское —
воплотившись в Марии,
пролилось благодатью
на других женщин.

Не все увидели,
не все сумели оценить
избранность,
дарованную Праматерью.
А всем ли это было нужно?
Только таким как она,
единственным —
великим и страдающим.

Я смотрел на неё и видел Храм
с загадочными сводами,
чистотой молитвы,
глубиной познания.
И она — таинственная и задумчивая,
блистающая и лучающаяся,
чистая и нежная,
мечта каждого, кто умеет мечтать,
несла душевный покой.
Я смотрел на неё —

И видел Храм...

Юрий ПОЛИССКИЙ

Поэт, учёный, заслуженный изобретатель, доктор философии, член Межрегионального союза писателей Украины, автор девяти книг стихов и прозы, лауреат нескольких литературных премий, член редколлегии международного литературного журнала «АВЕ».

Я из века двадцатого родом,
из Победы в Великой войне,
из утрат. Потому год за годом
боль чужая не гаснет во мне.

Я из правды и лжи сверхдержавы,
из падений и взлётов её,
что сплетением горя и славы
через сердце проходят моё.

Из ракетно-космической тайны,
из обычности дней трудовых.
В новом веке со мной не случайно
интеграл и лирический стих.

В двадцать первом,
свернувшим обманно
от истоков моральности вспять,
не могу, не хочу и не стану
камертон своих чувств изменять.

И рубцами покрытое снова
стонет сердце моё на бегу.
Я живу, спотыкаясь о совесть.
А иначе я жить не могу.

Что досталось родителям нашим?
Революция, тридцать седьмой.
Путь к Берлину от плачущих пашен.
Непростая дорога домой.

Что досталось родителям нашим?
Дом отстроить, сожжённый дотла.
Жизнь наладить, пускай и не краше,
но хотя бы такой, как была.

Что родителям нашим досталось?
Труд и вечная битва в пути.

И усталость, усталость, усталость,
от которой уже не уйти...

Вот он идёт — больной и старый,
почти слепой — герой войны,
планету спасший от кошмара.
Теперь он — пасынок страны.

А в покорённой им державе,
забывший боль тех давних дат,
живёт безбедно, может, в славе
фашистской армии солдат.

И по бессмысленной орбите,
идёт, судьбы изведав плеть,
стране не нужный Победитель —
старик, забывший умереть.

Не люблю красотой в стихах.
В мире нет простого слова выше.
Солнце поднимается над крышей.
Я листаю старый альманах,

Где простым и чистым
русским слогом,
обращаясь бережливо с ним,
кто-то возносился словом к Богу,
кто-то — к современникам своим.

Где мела метель во все пределы,
остужая хрупкий шар земной.
На столе, дрожа, свеча горела,
тайною своей делясь со мной.

Где осенним пламенем охвачен,
одарив стихами белый свет,

не жалея, уходил, не плача,
самый беззащитный наш поэт...

Солнце опустилось за порогом.
Перечитан старый альманах...
Я склоняюсь
перед русским слогом
без его красотой в стихах.

Не верьте злой молве, не верьте,
что гениальный сын Земли
убит расчётливо. И в смерти
не обвиняйте Натали.

И пусть на пушкинское слово
вновь наползает сплетен вал, —
дочь дворянина Гончарова
была беспорный идеал.

«Сходите!»
Странной тенью серой
Дантес является вдали.
И, взявшись за руки, к барьеру
идут Поэт и Натали.

Пусть безвестными
нам назначено
раствориться в течении лет, —
и без наших имён утраченных
у истории свой портрет.

С назначением таким
не спорю я:
кто прославлен, а кто забыт.
Только вся мировая история
из безвестных, из нас состоит.